

ПАРИЖ НИКОЛАЯ ДРОННИКОВА: ТРЕТЬЯ ВОЛНА

Париж, район Иври, улица возле последней станции одной из веток метро. Ворота, на которых висит мастерски сделанный жестяной двуглавый орел. Входите во двор, и сразу окунаетесь в море лиц, которыми расписаны стены. Какой-то монпарнасский «Улей», или жилище грузинского художника.

Материал подготовил Виктор Леонидов

Андрей Тарковский, 1985

Но еще большее впечатление ожидает вас, когда попадете в этот удивительный дом. Старые книги, русские пейзажи с церквями, кладбищенскими крестами и снова — лица. Вдоль лестницы на третий этаж — сплошные портреты. Написанные или нарисованные, кажется, с одного взмаха, но безошибочно определяющие характер героя. Высоцкий, Рихтер, Айги, Окуджава, Целая галерея образов «небожителей» русского Парижа — Одоевцева, Целков, Ростропович, Галич, Синявский, Померанцев, Шаховская, Амальрик, Гинзбург, Хвостенко, Сеземан, Лосская. А еще — деревянные скульптуры, среди которых выделялся своей мощью бюст Солженицына, ныне переданный в Дом зарубежья. из тульских мужиков

Они все его хорошо знали. Тульского мужика, вот уже более сорока лет живущего в Париже и ставшего настоящим «Нестором» российских изгнанников.

Можно ли было в это поверить, когда уроженец деревни Будки Коля Дронников, похоронив умерших от голода близких, рыл траншеи в осажденной фашистами Москве. «Москва меня воспитала, сделала истинным живописцем. Поэтому я плоть и кровь от Москвы. Но меня также воспитала и французская культура, еще тогда, в 42-м году, когда педагог Московского дома пионеров показала мне музей новой западной живописи, где я увидел Матисса и Ван Гога», — говорил он впоследствии.

В том же Доме пионеров в

страшном 1941 на детской выставке была представлена и первая работа мастера — гипсовая статуэтка пионера, запускающего кораблик.

Кораблик его жизни оказался совсем непростым и абсолютно непохожим на дорогу судьбы многих сверстников.

В творчестве он выбрал свой, абсолютно непохожий на другие, в том числе и собратьев по эмиграции, путь.

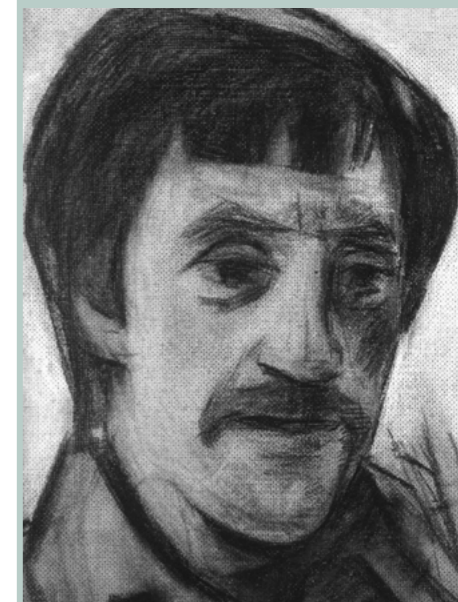
Сначала Дронников окончил Московское художественное училище имени 1905 года, затем, в 1963 — Московский государственный художественный институт имени В.И.Сурикова. Интересно, что его педагогами были художники Алексей Рыбников и Михаил Курилко, друзья «русских парижан» Михаила Ларионова и Василия Шухаева. И кто мог предположить, что спустя десятилетия Николай Егорович сам станет одним из символов эмиграции и издаст на уникальном домашнем печатном станке книгу стихов Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой.

За границу за свободой

Конечно, во многом судьбу мастера предопределили брак с француженкой, ставшей верной опорой в этой непростой жизни. В 1968 г. Дронников оказался во Франции. Перед этим он очень долго и трудно размышлял, что свобода творчества в СССР означало вступление в ряд «подпольных» мастеров, нонконформистов. Естественно, со всеми вытекающими отсюда последствиями. А пока, не будучи членом Союза худож-

«Николай! Добра тебе». Такую надпись Владимир Высоцкий оставил на своем портрете, который в Париже в 1974 г. нарисовал Николай Дронников.

Высоцкий в Париже, 1975-1977

Через десять лет Николай Егорович Дронников получил следующее письмо от Александра Исаевича Солженицына: «От души желаю Вам успехов отстаивании истины о нашей заплыванной Родине».

ников, рисовал на мешках, натянутых на сколоченные им самодельные подрамники. Красок купить возможности не было.

Во Франции Николай Егорович встретился с Марком Шагалом и тот ему сказал: «Я думаю, что в подполье искусство развиваться не может».

Решение было принято, а пока, боясь, что соответствующие органы узнают о его намерении, Дронников выезжал за город и там сжигал свои работы. Он считал, что если начать их раздавать, то это вызовет совсем ненужные пересуды.

В августе 1972 Николай Егорович остался в Париже.

Париж под снегом, 1986

Здесь он сразу оказался вовлеченным в споры, кипевшие в среде русской эмиграции. Однако Дронников слишком хорошо знал Россию, которую, как он однажды выразился, «несли по кочкам» в русских эмигрантских изданиях. Художник, плоть от плоти своей земли – «от сохи», человек могучей крестьянской природы, согласиться с этим никак не мог. Недаром, таких, как он, часто называют «солью земли».

Защитник России в уникальном проекте

Мирожский монастырь, 1964-1974

«Старая эмиграция дала мне печатный станок и несколько ящиков металлического шрифта. И я мог печатать книжки, в которых защищал старую Россию... Мне дали этот станок, чтобы я отстаивал Россию от диссидентской московской кухни, от этой пены третьей волны...»

Среди этих «рукотворных», как он их называет, тиражом в 50 экземпляров изданий, и сборники «Статистика России. 1907 – 1917 годы», где он публиковал данные, абсолютно замалчивавшиеся в СССР, и уже упоминавшаяся книжечка стихов Ларионова и Гончаровой, и целая серия авторских книг – альбомов «Портреты современников». Отдельные наборы открыток мастер посвятил великим бардам – Вы-

соцкому, которого хорошо знал и часто встречал на машине в парижском аэропорту, Галичу, Окуджаве.

«Книги – удачный синтез слова и рисунка, звуков и цвета, как протест, ныне одобряемый тогда – запретный во имя духа свободного творчества». Так писал знаменитый славист и создатель целой школы исследователей русской литературы Леон Робель.

«Вот Владимир Высоцкий. Рисунок сделан на одном из вечеров, когда он пел и забавлял нас. А мы слушали. Он был гений. А его не считали за человека», – говорил Николай Егорович в одном из интервью.

В словах художника часто звучит боль за представителей русского изгнания, образы которых он сохранил в своих

Через десять лет Николай Егорович Дронников получил следующее письмо от Александра Исаевича Солженицына: «От души желаю Вам успехов отстаивании истины о нашей заплеванной Родине».

работах. Одаренные люди, получившие возможность писать свободно, часто оказывались неспособны к реальному творчеству, либо тратили время на яростное выяснение отношений, забыв о своем предназначении.

Особое место в жизни и творчестве Дронникова занимает Геннадий Айги. Он дружил с великим чувашом, заслужившим в свое время знаменитую оценку Бродского: «Гениальный подстрочник, не имеющий оригинала».

**«Нонкоформисты
загнали живопись в
тупик и здесь, и там...
Музеи живописи за-
няты шестидесят-
никами. Я к ним не
принадлежу по своей
воле... Я отшельник»
— говорил мастер**

С Айги они были очень близки. Дронников выпустил несколько книг его стихов. Любому, кто брал их в руки, каждая врезалась в память. К примеру, «Айги. Раны в сугробах». Стихи и рисунки, каждая страница прикрыта тонкой бумагой. И тираж всего – 20 экземпляров.

Памяти друга Николай Егорович посвятил книгу «Рекви-

ем по Айги». Сам поэт очень ценил мастерство художника и его способность воплощать поэтическое слово.

Однажды наш замечательный писатель, гуляка, автор пронзительных книг об Отечественной войне Виктор Некрасов опубликовал статью о проклятой судьбе поэтов и художников на Родине. Смысл ее состоял в том, что Россия при любом режиме была тюрьмой для талантливых людей. Дронников напечатал ответ, что Николай II был непохож на Брежнева, что «Мир искусства» печатался на личные деньги царя, и что тирания и дореволюционная Россия – совсем не одно и то же. «Нонкоформисты загнали живопись в тупик и здесь, и там... Музеи живописи заняты шестидесятниками. Я к ним не принадлежу по своей воле... Я отшельник» – говорил мастер.

Пейзаж

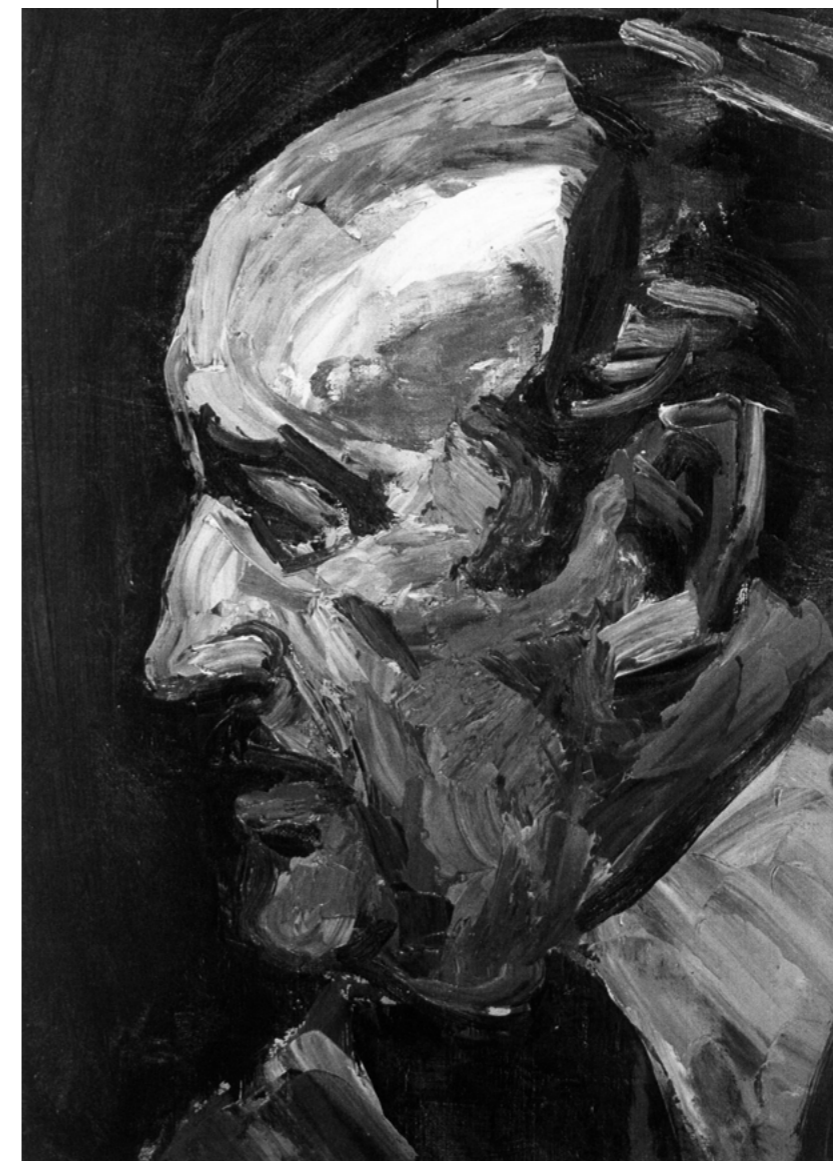
Пейзажи Франции все время перекликаются у него с русскими мотивами. То это Тургеневские места, то Сан-Польде-Ванс, где умер Шагал. Или виды монастыря Бюси-ан-От. Сегодня мало кто знает, что именно там скончался великий певец патриархальной Руси Иван Шмелев. Или Мурманск – ставшее ныне знаменитым кладбище, где покоятся солдаты и офицеры Экспедиционного корпуса.

Долгое время, конечно, ни о каких выставках на Родине и речи быть не могло. Однако при новом времени выросло уже целое поколение. И искусство Дронникова сегодня снова открыто.

Его выставки проходили в Санкт-Петербурге и в Ульяновске, конечно, в Чувашии – ведь Николай Егорович столько сделал для сохранения памяти о Геннадии Айги. Ряд портретов великого барда, в том числе и с благодарственными надписями самого Владимира Семеновича, Дронников подарил московскому музею Владимира Высоцкого. Недавно состоялась большая экспозиция в Государственном литературном музее. И, конечно, не мог не открыть двери для Николая Егоровича

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Главным «мотором» организации экспозиции в Доме стала заместитель директора Татьяна Королькова.

Художник, уже перешагнувший восьмой десяток, продолжает работать. И в его удивительный дом, где гостей встречает его верная спутница Аньес, все время приходят люди. Те, кто связан с этой удивительной темой, или, вернее, судьбой – жизнью и наследием русских во Франции.

Александр Галич, 1975

А еще почти через двадцать лет, несколько месяцев назад, Наталья Дмитриевна Солженицына, открывая выставку художника на Таганке, в Доме русского зарубежья, носящего ныне имя Александра Исаевича, сказала, что Николаю Егоровичу надо поклониться за его подвижничество. «Художник стал летописцем третьей волны, но это было очень непросто», – добавила она.